

EXCLUSIVE PROSE

ПАВЕЛ МЕЙЛАХС

Я ПЕЛ БЫ
В ПЛАМЕННОМ
БРЕДУ

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2022

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
М45

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберium»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Новеллы издаются в авторской редакции

Мейлахс, П.

М45 Я пел бы в пламенном бреду / П. Мейлахс. — М.: Флобер-
иум / RUGRAM, 2022. — 402 с. — (Exclusive Prose).

ISBN 978-5-521-91820-1

Павел Мейлахс... Вулкан, извергающий красоту. Мыслитель и поэт, соединяющий беспощадность и милосердие. Неистовый обличитель и тонкий лирик, проклиная жизнь и мучительно ей сострадающий, сочетающий сюжетную изобретательность европейского модернизма с глубиной русской классики. Обладая всеми возможностями для обретения земного счастья, он целенаправленно разрушал его, пока наконец не разрушил и собственную жизнь. Но лучшая его часть осталась в заветной лире. В маленьких новеллах, продолжающих книгу, любовь идет бок о бок со смертью, а конец всегда оборачивается началом. Новой истории.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91820-1

© Павел Мейлахс, текст, 2022
© Александр Кудрявцев,
дизайн обложки, 2022
© ООО «Флобериум», 2022
© RUGRAM, 2022

ПРИДУРОК

Он не сразу понял, что зазвонил будильник, уже проснувшись, он несколько минут лежал, ничего не соображая, а уши как будто отдельно от него слушали агрессивный будильничный звон, который никак не прекращался. Он менее всего ожидал сейчас услышать будильник, и то, что он зазвенел, казалось каким-то нелепым недоразумением, которое именно из-за своей вопиющей нелепости должно скоро разрешиться. Собственно, все во сне было вполне буднично, но находиться среди людей и не чувствовать обычного напряжения — это был уже праздник, потому-то и трудно было поверить, что на свете есть какие-то будильники. И до него не сразу дошло, что надо положить конец этому пронзительному тарахтению, и он не сразу начал хлопать по будильнику, чтобы нащупать пипочку, которую нужно нажать, чтобы унять звон. Он нажал ее с тем ощущением, как будто слегка придавил жирную помойную муху — слегка, как раз настолько, чтобы вывести ее из строя и вместе с тем не оставить на пальцах ее кишок. Враз стало тихо. Он не мог встать сразу, как только просыпался, ему надо было немного полежать, и теперь он только тщательно подоткнул одеяло

под плечи, которые уже успели озябнуть за то время, пока он возился с будильником.

Он лежал без движения, с широко раскрытыми глазами (из-за этого в них сильно рябило) и слушал писк в ушах, что-то похожее бывает, когда включаешь телевизор — такой же монотонный и лишенный всякой эмоциональной окраски писк, ничего общего не имеющий с жалобным писком комара, — еще в ушах стоял шум, напоминающий шум леса, и было много других шумов, гудений и писков, которые сливались в единый хор. Этот хор будет звучать в его ушах целый день, но он обычно переставал его замечать, как только вставал и шлепал в туалет, так, включая магнитофон, слышишь шипение, но потом, когда начинает играть музыка, уже не обращаешь на него внимания.

Все в комнате было точно таким же, каким он оставил вчера, ложась спать. Но настроение за ночь переменялось разительно, впрочем, это было обычным делом. Книга, которую он читал вчера, так и лежала на диване, сейчас она ему о чем-то смутно напомнила: а-а, вчера он читал ее допоздна (а начал часов в одиннадцать) и, кажется, не мог оторваться, погрузился в нее настолько, что у него даже притупился вкус собственного я, который он постоянно ощущал, как печеночный больной ощущает изжогу. От долгого чтения, да еще в лежачем положении, у него заболели глаза, отложив книгу, он подошел к зеркалу на них полюбоваться; они действительно слегка покраснели. Весь вечер он находился в каком-то тяжелом, тревожном возбуждении, мир воспринимался с бредовой силой, и он не знал, куда деваться от навалившейся на него беспредметной взвинченности, и непонятно было, как же сделать так, чтобы она исчезла. Такое часто

бывало с ним по вечерам, за книгу же схватился, чтобы отвлечься, спрятаться, и читал лихорадочно, как-то даже остервенело, как будто топтал горящую траву, а не книгу читал. Лег спать он без всякой охоты, просто потому, что голова уже ничего не соображала и не всю же ночь было сидеть. Но заснул, как и следовало ожидать, не сразу. Сна не было ни в одном глазу, лежал, с усилием держа глаза закрытыми, и чувствовал, как дрожат веки, — от этого в голове то и дело вспыхивало, он был простужен, и у него был заложен нос, он слышал свое тяжелое дыхание в подушку — как будто шепотом произносил «а-а», время от времени в груди всхрипывало, а один раз забурчало в животе каким-то электрическим звуком; все оно жило своей, неподконтрольной ему жизнью. Было душно, одеяло и простыня липли к ногам, долго в одном положении ему не лежалось, он постоянно ворочался, переворачивался с боку на бок, и с каждым таким переворачиванием пропадали даже те мизерные симптомы сна, которые успели появиться. Неизвестно, сколько времени он так прозасыпал. Но наконец, все-таки заснул.

Теперь от вчерашнего вечернего возбуждения не осталось и следа, как будто не он вчера сидел в этой комнате, а кто-то другой. Сейчас он лежал в состоянии тяжелой, каменной тоски, какая бывает с похмелья, правда, сам он об этом не знал, так как ни разу не испытывал похмелья. Вдруг в нем как будто что-то прорвало, и он почувствовал сильнейший выплеск слезливой жалости к себе и даже предвестье слез на глазах и в носоглотке. Несколько секунд он пролежал в полном отчаянии. И не было, казалось, в тот момент человека несчастнее его. И все из-за того, что надо

было вставать и идти в школу. Что ж, с добрым утром. Опять это он, он, и никто другой. Все в порядке вещей: уже очень давно (а скорее всего, с первого класса), вставая в школу, он чувствовал себя глубоко несчастным. Но уже через час он забудет, что чувствовал сразу после того, как проснулся, забудет про свою утреннюю несчастьность. А завтра утром опять будет чувствовать себя глубоко несчастным. И т. д. И если он скажет кому-нибудь, что, мол, тяжело было сегодня утром вставать, то его, наверное, почти всякий поймет: всем тяжело по утрам вставать; конечно, если только он это скажет в достаточно молодецкой манере: эх, паршиво было сегодня утром вставать! — и, конечно, между делом, а если со слезами на глазах и с дрожью в голосе, да еще и такими словами: чувствовал себя глубоко несчастным, — то собеседник останется в недоумении. Может быть, половина населения чувствует себя по утрам глубоко несчастной, но говорить об этом не принято. Потому что как же иначе! Вставать-то надо. И он все лежал и все не мог собраться с силами и встать.

Наконец все-таки встал, хотя минуту назад это казалось невысказанным, такая история повторялась каждое утро: проснувшись, он чувствовал себя не в силах встать, и все-таки вставал, для самого себя непонятно как. Встав, он сделал несколько шальных шагов по комнате, его слегка водило. Ноги привели его к зеркалу, и, только увидев свое лицо, он понял, что ему было от зеркала надо — исследовать состояние прыщика, который он заметил вчерашним утром. Прыщик вскочил почти на носу, вернее, совсем близко от той его части, которая называется крылом носа. Вчера этот прыщик весь день не давал ему покоя, он каждые де-

сать минут ловил себя на том, что трогает его рукой, и сразу же отдергивал руку, кляня себя за то, что опять его трогает, хотя столько раз зарекался. Дело в том, что прыщик на таком месте небезопасен: если он превратится в достаточно большой нарыв, то его может прорвать, и тогда будет что-то вроде заражения мозга, которое часто смертельно. Он вычитал это в одной медицинской книге. Там было написано, что эти, казалось бы, безобидные прыщики таят в себе серьезную опасность. И еще он там вычитал, что именно так погиб выдающийся русский композитор А. Н. Скрябин. Новость про Скрябина его поразила. Если даже имя Скрябина, его всемирная известность, множество поклонников во всем мире не смогли защитить его от такой идиотской, нелепой смерти, то что же говорить о простых людях, в том числе и о нем самом? Тогда это навело его на тягостные раздумья, которые все же долго не продолжались, прыщики как таковые его тогда не интересовали, а книжка попалась ему довольно давно, и все это в скором времени было забыто. Вплоть до вчерашнего утра, когда он случайно взглянул на себя в зеркало, увидел прыщик и сразу вспомнил ту книжку, все, что там прочитал про прыщики, и Скрябина заодно. Так что весь вчерашний день был подпорчен мыслями о прыщике; не то чтобы он всерьез боялся, что умрет, но где кончается не всерьез и начинается всерьез? Конечно, вероятность этого ничтожно мала, но не ноль же. Он готов соблюдать какие угодно меры предосторожности, какие угодно медицинские инструкции, терпеть какие угодно неудобства, но должен точно знать, что теперь вероятность для него умереть от прыщика равняется нулю. Все по справедливости: я жертвую тем-то, зато уве-

рен в том-то. Но вот беда — он знал, что нигде в мире такой справедливости нет. Вот, пожалуйста, у матери на работе был такой случай: у их сотрудницы умер сын, молодой парень, несколько лет назад перенес гепатит, после этого вел совершенно здоровый образ жизни, как-то раз на одном официальном банкете выпил стопку водки и откинул ноги; потом даже устраивали судебно-медицинскую экспертизу, но оказалось все нормально, никто его не травил. Правда, с другой стороны, у него был дядя, пьющий по-черному, которому вот уже под пятьдесят, а он все не знает, где находится печень. Последний пример, может быть, кого-то бы и утешил, но не его. Нетушки! Мне чужого не надо, но пусть у меня будет хоть что-то свое. Он почти бесился, когда думал об этом, что так уж устроено в этом мире, а не нравится — иди живи в каком-нибудь другом; и раньше, конечно, это понимал, но только теперь, когда мысли о прыщике прицепились к нему, как репы, такое положение вещей стало ему казаться надругательством над его священными правами.

К вечеру же этот прыщик стал особенно его донимать, и уже не в виде абстрактных унылых размышлений; то возбуждение, в котором он вечером находился, было отличной питательной средой для мыслей о прыщике, ему постоянно приходилось подавлять в себе непоседливое беспокойство, которое они нагоняли, ему казалось, что так этого оставить нельзя, надо что-то делать, но что можно было сделать? И он представлял себе картины на тему заражения мозга, одна жутче другой, почему-то ему казалось, что этим самым он что-то делает, а не сидит сложа руки, а вернее, он как будто боялся проворонить болезнь, как будто